

**“Think More about Camels”,
или Обычный год истории России в необычном ракурсе***

Рец. на: Werth P. W. 1837: Russia’s Quiet Revolution. Oxford :
Oxford Univ. Press, 2021. 213 p.

**Владислав Ившин
Алисе Плате**

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**“Think More about Camels”,
or A Usual Year in the History of Russia Seen from
an Unusual Angle****

Rev. of: Werth, P. W. (2021). *1837: Russia’s Quiet Revolution*.
Oxford, Oxford Univ. Press. 213 p.

**Vladislav Ivshin
Alice Plate**

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The authors review *1837. Russia’s Quiet Revolution*, a monograph by P. Werth published by Oxford University Press in 2021. The book is an attempt to conceptualise the reign of tsar Nicholas I until 1837, the year of a “Quiet Revolution” in the Russian Empire – manifesting itself in a series of sweeping changes leading to the creation of new institutions, concepts, and experiences that finally showed its results in the following periods of Russian history. The author examines ten thematic episodes (historical events) that took place in the Russian Empire during the year 1837 in its broader historical contexts (within the country and beyond its borders), which he united around the common issue

* Работа подготовлена в рамках выполнения госзадания Министерства науки и высшего образования по теме «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования» № FEUZ-2020–0056.

** Citation: Ivshin, V., Plate, A. (2022). “Think More about Camels”, or A Usual Year in the History of Russia Seen from an Unusual Angle. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 1198–1212. DOI 10.15826/qr.2022.3.724.

Цитирование: Ivshin V., Plate A. “Think More about Camels”, or A Usual Year in the History of Russia Seen from an Unusual Angle // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 1198–1212. DOI 10.15826/qr.2022.3.724 / Ившин В., Плате А. “Think More about Camels”, или Обычный год истории России в необычном ракурсе // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1198–1212. DOI 10.15826/qr.2022.3.724.

of the formation of the Russian national identity. The book is interesting, on the one hand, as a genuinely scholarly study, which, on the other hand, includes all characteristics typical of popular science in terms of structure and linguistic style. Apart from this, the author's conceptual observations make it possible to take a new look at the well-known events of Russian history during the period of Nicholas I's "minor reforms".

Keywords: Nicholas I, national politics, Russian Empire, reforms, narodnost', revolution

Представлена рецензия на монографию П. Верта *1837. Russian's Quiet Revolution* («1837. Тихая революция в России»), опубликованную в издательстве Оксфордского университета в 2021 г. Книга является попыткой концептуального осмысления николаевского царствования через проходившую в Российской империи в 1837 г. «тихую революцию» – серию широкомасштабных изменений, приведших к появлению новых институтов, концепций и опыта в последующие периоды истории страны. Автор рассматривает десять тематических эпизодов (исторических событий), произошедших в 1837 г. в Российской империи в широких исторических контекстах (внутрироссийских и глобальных), объединенных автором вокруг общей проблематики формирования русской национальной идентичности. Книга интересна тем, что представляет собой научное исследование, выстроенное в структурной и языковой стилистике научно-популярной литературы, а концептуальные наблюдения автора позволяют по-новому взглянуть на известные события российской истории периода «малых реформ» Николая I.

Ключевые слова: Николай I, революция, национальная политика, Российская империя, реформы, народность

Недавно вышедшая монография американского историка Пола Верта «1837. Тихая революция в России» [Werth] является необычной работой – необычайно легкой, но не легкомысленной, заигрывающей с читателем, но не заигравшейся. Необычным оказался выбор темы и для самого П. Верта, уже продолжительно и весьма успешно занимающегося историей религии в Российской империи.

Так называемые *yearbooks* – книги, посвященные исследованию одного отдельно взятого года, отличающегося эпохальностью своих событий, – переживают определенный читательский бум. И таких дат история России знает немало. Главная гипотеза П. Верта заключается в том, что 1837 г. не только был полным знаменательных событий годом, но и оказался «поворотным моментом для перехода империи к модерну» (р. 2)¹. Доказать, насколько правдив данный тезис, является целью рецензируемой книги – преобладающей, но далеко не единственной.

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в крулых скобках с указанием страниц. Перевод авторов статьи.

Отправной точкой для П. Верта служит пересмотр правления Николая I, обстоятельно начатый в современной российской историографии И. В. Ружицкой еще в 2005 г. [Ружицкая]. На сегодняшний момент тезис о том, что царствование Николая являлось «периодом консервативного застоя, когда “жандарм Европы” следил за соблюдением порядка, в том числе и за пределами России при одновременном укреплении самодержавной системы внутри страны» (р. 2), сложно назвать новшеством. Современные российские исследователи уже достаточно давно рассматривают период 1825–1855 гг. как время «малых реформ», подготовительный этап для последующей эпохи реформ Александра II. Эта идея находит продолжение в книге П. Верта. Однако в его монографии 1837 г. значим еще больше, выходя далеко за временные рамки самих реформ. Несмотря на то, что выбранный им год не знаменателен громкими историческими событиями, основной тезис, выдвинутый в рецензируемой книге, – 1837 г. был переломным: поразительно многое из того, что происходило, было учреждено, создано, достигнуто или внедрено за этот короткий период, определило судьбу страны после 1917 г., расставив основные вехи для идейного формирования советской эпохи, а также современной России. Ядром, если не первоисточником всех этих кардинальных изменений выступает «исключительный, хотя и малозаметный» 1837 г. Именно этим объясняется заголовок книги. Для П. Верта 1837 г. является годом «тихой революции», определенной как «драматические и широкомасштабные изменения», приведшие к «появлению новых институтов, новых концепций и беспрецедентного опыта». Отталкиваясь от этого постулата (как покажет дальнейший анализ содержания книги), он делит историю России на периоды «до» и «после» указанного рубежа (р. 201–202).

Этот тезис достаточно смелый, и доказывать его справедливость П. Верт стремится не менее смело. Он, как можно было бы ожидать в таких случаях, не вводит в бой тяжелую артиллерию, характерную для фундаментальных научных трудов, например, внушительный научно-справочный аппарат, подтверждающий всю эрудицию автора. Напротив, он подходит к этому вопросу совсем по-другому. Его монография по своему объему, за исключением введения и заключения, состоит из десяти эпизодов (выражаясь авторским языком – «скетчей» (*sketches*), или же в более близком нам варианте – этюдов, зарисовок, очерков), каждый занимает не более 20 страниц; в центре каждого эпизода лежит событие, охватывающее сферы культуры, религии, политики, промышленности, а также имперской и национальной идеи, имевших место если не в 1837 г., то в пределах трех или пяти лет, окружавших эту дату.

Выбранная исследовательская стратегия на первый взгляд поражает. И П. Верт целенаправленно следует ей, стараясь поразить своего читателя. Он призывает читателя не только потребить прочитанную информацию, но занять собственную позицию – быть активным

и, «вежливо наклонив голову набок» или «демонстративно, вызывающе скрестив руки на груди», задать автору интересующие его вопросы, требуя объяснений, «что объединяет эти разрозненные события и процессы, кроме единых хронологических рамок» (р. 1). Его читатели – это не просто слегка размытые фигуры интересующихся историей России XIX в., его целевая аудитория специфична – это его студенты-историки отделения зарубежной русистики (*undergraduate*), студенты-бакалавры самого автора. Именно им П. Верт любезно желает привить интерес к истории России XIX в., именно их он пытается магическим образом очаровать.

Одним из способов «магического очарования» П. Верт выбирает рассказ интересных историй. Поэтому основным критерием отбора представленных в книге сюжетов служил их потенциал для создания хорошей (читай – интересной) истории, которая, «несмотря на все свойственные данной дисциплине концептуальные и методологические инновации, осталась сердцем исторической науки» (р. 4). Все эпизоды объединены вокруг доказательства тезиса о том, что 1837 г. в Российской империи «явился исключительно насыщенным и значимым для русской истории годом и что – несколько преувеличивая – нельзя постичь Россию, не поняв этот год» (Preface). Именно об этих десяти эпизодах и идет речь в основной части книги; эти десять эпизодов оформлены в десять тематических глав, каждая из которых посвящена одному историческому событию, произошедшему в 1837 г. Каждый эпизод структурно состоит из трех вполне традиционных частей: небольшое введение, основная часть, краткое заключение и список использованных источников и литературы.

Тематически первые пять эпизодов связаны, на наш взгляд, общей проблематикой формирования русской национальной идентичности в различных ее вариациях на государственном и общественном уровне. В первом эпизоде («Он пал, оклеветанный слухами») автор рассматривает трагическую гибель А. С. Пушкина на дуэли с Ж. Ш. Дантесом. П. Верт мастерски сплетает исторический контекст гибели поэта в феврале 1837 г. с последующим формированием его культа в России – как признается автор: «Ни одна история России 1837 г. невозможна без рассказа об этом эпизоде» (р. 9). Особый интерес представляет реконструкция автором попыток ближайшего окружения Пушкина вскоре после его смерти политически реабилитировать его в глазах государственной власти, которая воспринимала погибшего поэта не то либералом, не то действительно великим поэтом (р. 18–20). Зарождение его культа автор видит уже в ранние годы после его смерти (р. 17–18, 21–22). Подтверждая тезис, автор погружает смерть поэта, «окутанную романтической интригой» и «ставшую, поэтической темой» (р. 23, 24), в макроисторический контекст позднего романтизма, считая, что уже в траурной процессии были заложены «растущие стремления к национальному самовыражению», а формирование культа отражало «становление русской нации» (р. 23).

Второй эпизод («Жизнь за царя, опера для нации»), продолжает заданную тематику. Эпизод посвящен опере «Жизнь за царя» и ее автору М. И. Глинке, «нашему музыкальному Пушкину» (р. 24). П. Верт отмечает значение для российской культуры оперы, которая стала «основным элементом в разработке патриотического мифа, объединяющего монарха и массы» (р. 28). Лейтмотивом эпизода является исторический фон 1830-х гг. в Российской империи, который автор считает «моментом, когда идеал народности... полностью укоренился в России» (р. 34). Он проецирует сюжет оперы на государственную «идеологическую кампанию по мобилизации национальной идеи как нового источника легитимности династии», организованную в начале 1830-х гг. С. С. Уваровым (р. 35). Тем самым, опера «органично вписывалась в эту кампанию» на фоне относительно недавнего подавления Польского восстания 1830–1831 гг. (р. 36) демонстрацией сюжета «близкой связи между крестьянином и царем» (р. 35). Все это приводит автора к выводу об идеологическом совпадении содержания оперы с запросом общества на «народность», рост российского национального самосознания и поиск новых форм легитимности российской власти в эпоху революций, что сделало оперу «одним из способов формирования русской нации» (р. 38).

В третьем эпизоде – «Философское безумие» – автор обращается к первому «Философическому письму» П. Я. Чаадаева, сыгравшего «центральную роль в развязывании грандиозной дискуссии между западниками и славянофилами о месте России в мире... утверждения идеи “отсталости” России... заложившего риторические и концептуальные основы для всех последующих философий истории в России» (р. 43). Интересна попытка автора проследить эволюцию взглядов Чаадаева от конца 1820-х (написания первого «Философического письма») до начала 1837 г. (публикации письма и написания «Апологии сумасшедшего»), реконструировав «интеллектуальный ландшафт» «зарождающегося славянофильства» (р. 43–50, 53–54). Автор видит основную историческую роль Чаадаева в катализации раскола в российской общественно-политической мысли об «исторической миссии России» (р. 55) и отмечает влияние его идей на А. де Кюстина. Эти сюжеты и выводы сильно перекликаются с монографией польского исследователя российского славянофильства А. Валицкого [Валицкий, с. 140, 142–143, 148–150, 154–156]. На наш взгляд, в первых трех эпизодах П. Верт хронологически продолжает монументальный труд А. Л. Зорина, посвященный анализу идеологических моделей Российской империи и роли в них «поэтических рефлексий» [Зорин]. Однако если монография А. Л. Зорина закачивалась «плотным описанием» «уваровской триады» в первой половине 1830-х гг., то П. Верт успешно проецирует «поэтическую рефлексия» вышеупомянутых героев на материал второй половины 1830-х гг.

В четвертом эпизоде («Во плоти») П. Верт обращается к путешествию цесаревича Александра Николаевича по Российской империи

в 1837 г. Одной из сильных сторон эпизода является включение архивных документов РГИА. Автор на основе путевых заметок свиты цесаревича и его писем воссоздает восприятие Александром населения губерний Российской империи (р. 64–74). К примеру, обращаясь к посещению Александром Казани, П. Верт отмечает «растущее осознание основной российской национальной территории, которая может включать татар» (р. 71). Через губернскую печать автор демонстрирует восприятие цесаревича и его свиты подданными. На основе этого он прослеживает, как формируется «нечто вроде культа» цесаревича (р. 78), отразившегося в том числе в материальной памяти через переименование улиц уездных и губернских городов и памятные предметы (р. 79). Все перечисленное укрепило «династический сценарий» Николая через прямой контакт с подданными, что содействовало «сценарию любви» – всеобщей поддержке власти монарха без проведения конституционных реформ. Похоже, в этом автор придерживается взгляда Ричарда Уортмана о том, что «[Александр Николаевич] был первым русским наследником, воспитанным в убеждении, что одобрение народа является важной моральной основой самодержавного правления» [Wortman, 1995], а сама поездка цесаревича консолидировала подданных во всеобщей поддержке будущего монарха, что способствовало становлению нации (р. 81).

В пятом эпизоде – «Губернии оживленные» – П. Верт более подробно останавливается на развитии российской губернской прессы после 1837 г., и хотя, как признается автор, эти газеты не были чем-то совершенно новым к 1837 г. (р. 87), все же их относительно массовое появление в январе 1838 г. «стало поворотным моментом в истории», давшим населению губерний возможность «участвовать в интеллектуальной жизни, тем самым заложив основы гражданского общества на местном уровне» (р. 85). Под понятием гражданского общества автор подразумевает сотрудничество и сосуществование государства и общества (р. 98). Автор подробно анализирует проблемы, динамику становления и разнонаправленный характер содержания губернских газет (р. 88–89, 89–95), отмечая, что они способствовали осознанию губернской (региональной) идентичности, приведшей к формированию гражданского общества на местном уровне. В то же время губернская печать «отражала и воплощала формирующуюся русскую нацию внутри империи»; ссылаясь на Б. Андерсона, автор подчеркивает, что именно она сыграла решающую роль в формировании национального самосознания, создав «воображаемое сообщество среди определенного круга читателей» (р. 99). Эти выводы автор, вероятно, почерпнул из монографии американской исследовательницы С. Смит-Петер, которая рассматривала формирование гражданского общества в российских губерниях в дореформенный период [Smith-Peter]; к слову, ее монография так и не была переведена на русский язык [см. рец.: Большакова]. Однако выводы П. Верта не столь радикальны, он указывает на ограниченный круг читателей губернской прессы (р. 99), а также

дополняет С. Смит-Петер, вписывая свои выводы в контекст национальной политики Российской империи 1830-х гг.

Оставшиеся пять эпизодов уже не связаны столь жесткой концептуальной рамкой формирования российского национального самосознания – они более разнонаправленны по своему содержанию. Так, шестой эпизод «Попечительство о нуждающихся» знакомит читателей с реформой государственных крестьян в декабре 1837 г. Автор удачно объясняет своей целевой аудитории положение и статус государственных крестьян в Российской империи до реформы (р. 105–106), а также проект и суть реформы (р. 109, 111), иллюстрируя ее последствия сюжетами «картофельных бунтов» конца 1830–1840-х гг. (р. 116–119). Свой вывод автор связывает с появившимся в рамках реформы Министерством государственных имуществ, которое «сформировало новое поколение чиновников», активно участвовавших в проектировании и реализации Великих реформ Александра II (р. 119). Реформа была одной из первых попыток государства решить «крестьянский вопрос» в Российской империи (р. 119–120). И, хотя данный тезис не является чем-то новым для отечественной историографии, в своем повествовании и выводах автор ссылается на крупнейшую работу И. А. Христофорова, посвященную государственной политике в решении «крестьянского вопроса» [Христофоров].

В седьмом эпизоде «Думайте больше о верблюдах» автор впервые за всю книгу обращается к внешнеполитической истории Российской империи, исследуя Хивинский поход 1839–1840 гг., связывая его с изменением «под чувством европейского превосходства» «модели и приоритетов» отношений Российской империи с Центральной Азией во второй половине 1830-х гг. П. Верт рассматривает Хивинский поход в контексте системы международных отношений XIX в., отмечая, что «1830-е гг. характеризовались эскалацией враждебности между Россией... и Великобританией» (р. 137). Этим он включает поход в события «Большой игры» и демонстрирует разрастание русофобии среди британцев (р. 133–137). Автор указывает на ошибки в подготовке к военной кампании и отмечает, что она так и не достигла поставленных целей (р. 137–139). Однако на волне внешней политики Российской империи в 1830-х гг. появившаяся русофобия могла быть активирована «по первому требованию», а «руссофобия поздней холодной войны (1947–1989 гг.) также была «частично сформирована установками девятнадцатого века»» (с. 140). Тезис нам кажется не совсем обоснованным, все же истоки этого явления (применительно к Британии, на основе которой П. Верт делает данный вывод) уходят далеко за XIX в., к XVI–XVII вв. [Лабутина], но никак не к периоду 1830-х гг. Таким же поспешным нам кажется вывод, что кампания 1839–1840 гг. «была первой попыткой», ознаменовавшей «полное участие России в европейском империализме» (с. 140). Верт, как минимум, опирается в тот факт, что Российская империя после Венского

конгресса 1815 г. была одной из великих европейских держав, оставаясь ею вплоть до Крымской войны 1853–1855 гг.

Одним из самых удачных с исследовательской точки зрения является восьмой эпизод «Православие идет на запад» – это в целом традиционная тематика для П. Верта. Эпизод знакомит читателей с деятельностью обер-прокурора Святейшего синода, в чьем ведении с января 1837 г. находилось управление делами греко-католической церкви. Особое внимание автор уделяет предпосылкам и сущности религиозной политики Российской империи 1820–1830-х гг. В центре повествования находятся меморандум епископа И. И. Семашко о воссоединении греко-католической церкви с православной (р. 150–154) и непосредственная реализация этого меморандума в 1837–1839 гг. (р. 154–157). Автор отмечает весьма длительные последствия этих событий, заявляя, что процесс воссоединения продолжался весь XIX в., а в середине XX в. претерпел «кульминацию», «когда сталинский СССР организовал самоуничтожение греко-католической церкви в недавно присоединенной Западной Украине (бывшей Галиции)», и «только распад СССР в 1991 г. позволил частично обратить эти союзы [греко-католической и православной церквей] вспять» (р. 160).

Девятый эпизод («Единорог, жестокий, но покорный») повествует о строительстве в Российской империи первой железной дороги в 1837 г., ставшей «квинтэссенцией XIX в. в России и в основном определивший современную Россию» (р. 163). Здесь интересны два сюжета: пассаж о критике строительства протяженной железной дороги со стороны министерств (р. 167) и реконструкция исследователем восприятия первой железной дороги российскими подданными (р. 169–173). В выводах автор отмечает долгоиграющие последствия «того, что началось в 1837 г.»: к концу XIX в. Российская империя по протяженности железных дорог уступала лишь США, Петербург стал «крупнейшим экспортером зерна», а железные дороги «окончательно создали всероссийский рынок зерновых» (р. 175–176).

Десятый эпизод – «Северный Феникс» – посвящен крупнейшему пожару 17 декабря 1837 г. в Зимнем дворце, в результате которого «главный символ самодержавия» в Российской империи выгорел практически дотла, что создавало легитимности режима «явные опасности», но в то же время «давало возможность прославить мобилизационные способности России» (р. 179). П. Верт пытается осмыслить пожар как культурологическое явление, имевшее символическое значение для российских подданных. Эта проблематика слабо представлена в российской историографии и продолжительно игнорируется российскими исследователями. Невольно здесь появляются параллели с пожаром в Москве 1812 г., который был рассмотрен в схожем культурологическом ключе В. С. Парсамовым [Парсамов, с. 255–264]. Однако П. Верт считает, что пожар в Зимнем дворце «остается уникальным, поскольку уничтожил резиденцию монарха, ключевой символ самодержавия и всей страны» (р. 180). На уровне

культурологической реконструкции восприятия пожара современниками (р. 181–186) автор приходит к выводу, что пожар как подрывал, так и укреплял режим (р. 191). Николай I, будучи весьма «чувствительным к любым потенциальным трещинам в его легитимности», старался ограничить обсуждение пожара и числа погибших в нем даже на уровне его религиозной интерпретации и реконструкции (р. 192–193). Восстановление дворца в том же виде было «утверждением общей символической и эмоциональной вовлеченности народа и императора в концепцию нации» (р. 194).

Одной из главных заслуг книги П. Верта является его внимание к Николаевскому царствованию. Если в российской историографии интерес к данному периоду по-прежнему продолжает быть вполне умеренным, то в зарубежной историографии последними крупными исследованиями (за исключением упомянутого труда С. Смит-Петерс 2018 г.) остаются монографии Б. Линкольна и Р. Уортмана, рассматривавших период «малых реформ» как подготовительный этап Великих реформ [Lincoln; Wortman, 1976]. Этим можно объяснить столь нетипичный выбор темы для самого П. Верта. И хотя автор предусмотрительно остерегся от традиционной критики («специалисты могут не согласиться с упрощениями, призванными сделать текст доступным и кратким», р. 2), все же недостатком монографии является частичное игнорирование автором новейшей российской историографии по ряду вопросов.

К примеру, реконструируя «интеллектуальный ландшафт» произведений Чаадаева, П. Верт не использовал последние исследования М. Велижева, направленные именно на анализ интеллектуальных исторических контекстов философа и поэта [Велижев, 2015; Велижев, 2019]. В четвертом эпизоде, делая вывод о появившемся «сценарии любви» между монархом и народом, П. Верт по каким-то причинам не обращается к истокам «самодержавия любви», которые рассмотрены в обстоятельной статье Д. А. Сдвижкова на примере правления Александра I [Сдвижков]. В этом же эпизоде, на наш взгляд, автор игнорирует крупный пласт российской политической культуры XVIII–XIX вв. – «крестьянский монархизм». Причем эта тема была подробно исследована в советской и современной российской историографии, в частности, К. В. Чистовым [Чистов].

Методологически в первых пяти эпизодах, посвященных формированию русской национальной идентичности, П. Верт следует за Ю. Остерхаммелем и А. И. Миллером, не противопоставляя империю и формирование нации-государства [Osterhammel; Миллер, 2006], а раскрывая их в уже устоявшемся, прежде всего для самого П. Верта, треугольнике «русские – нерусские (неправославные) – государство». Иными словами, П. Верт вплетает формирование русской нации в целенаправленную имперскую политику. И в таком ключе последние пять эпизодов затрагивают одну из сторон этого треугольника, касаясь тематики первых пяти эпизодов. К примеру, эпизоды о Хивинском походе 1839–1840 гг. и о воссоединении с православием

униатской церкви могут рассматриваться как целенаправленные действия государства (империи) по формированию русской национальной идентичности. Точно так же, как строительство первой железной дороги может быть частью интересов империи по строительству нации [Миллер, 2018, с. 21–22]. Учитывая нашу ремарку, надеемся, что перед читателем совсем по-иному заиграет ряд, на первый взгляд, поспешных выводов П. Верта.

Каждый эпизод выстроен по определенной схеме индуктивного подхода. Этому способствуют всегда яркие, остроумные и одновременно глубокие прологи, заголовки глав и вступления к каждой из них, например: «Обычно русские не выражали благодарности за то, что их отправили в Сибирь. Но 3 июня 1837 года наследник престола 19-летний Александр Николаевич написал своему отцу из Тобольска: “благодарность тебе, дорогой папа, за твою мысль послать меня в этот далекий и удивительный край”» (р. 59). «Настоящие Джейн Остен», как справедливо охарактеризовал такие прологи американский историк А. Вайнахт в своем интервью с П. Вертом, прямо затягивают читателя в тему. Завоевав внимание и сердце своего читателя, автор переходит от частного к более общему. В подразделах глав читатель знакомится с историческими контекстами и дополнительными иллюстративными и информационными материалами (рисунками, картами, таблицами), необходимыми не только для полноценного погружения в каждый отдельный сюжет, но и для оценки частных историй применительно к общему контексту книги. В конце каждой главы круг замыкается: в эпилогах П. Верт возвращается к той же истории (частному), с которой он начинал главу.

Каждый сюжет, как мы видели, представляет собой законченную картину – совершенство, которым читатель, в зависимости от своего научного интереса и собственной мотивации, может наслаждаться по отдельности, несколькими из них или же всей книгой. Но взаимосвязь между этими картинами раскроется лишь целеустремленным, добросовестно прочитавшим все десять эпизодов. И такой читатель, как выражается П. Верт, заслуживает большего, чем стандартное заключение или скромный эпилог.

В этом скрывается разрыв с устоявшимся каноном «серьезной» научной литературы: из каких элементов ей состоять и в какой структуре они должны быть представлены. Чуть ли не со школьной скамьи – да, здесь это клише нам кажется уместным – нам внушают, что научное исследование, после того как автор доказал актуальность своей тематики, поставил цели и задачи, должно начинаться с историографического и методологического разделов. П. Верт применяет противоположную стратегию и ставит их в конец книги. Благодаря такому ходу обычно несколько затянутая обязательная вводная часть превращается в настоящую «вишенку на торте», доставшуюся дошедшему до конца книги читателю и, соответственно, желающему узнать, что связывает этот подбор сюжетов с точки зрения исторической науки. В послесловии

автор сначала суммирует поднятые во введении темы, подчеркивает справедливость своей основополагающей идеи, «что 1830-е годы в России являлись поразительным периодом, отличавшимся динамизмом, новаторством и значимостью» (р. 200), повторно объясняет степень влияния рассматриваемого десятилетия на дальнейшее развитие России, чтобы затем, преодолевая рамки национальной истории, вплести этот период в общеевропейский контекст. П. Верт обращает внимание читателя на роль и место, выделенные XIX столетию в моделях периодизации Эрика Хобсбаума, Юргена Остерхаммеля и Холли Кейс – историков разных поколений, научных воззрений и национальностей, но объединенных убеждением, что в 1830-е гг. «Европа изменилась настолько быстро и радикально, что вполне законно говорить о переломном моменте в мировой истории» (р. 200). В заключении, сохраняя верность индуктивному методу, П. Верт опускается с макро- на микро-исторический уровень, сужая масштаб рассмотрения – он, теперь в последний раз, возвращается от общего к частному случаю. Книга заканчивается не иначе как анекдотом.

Как бы там ни было, рецензируемая монография, несомненно, научное исследование, но не в привычном смысле. Можно сказать, П. Верт написал исследование, чтобы обучать исследованию. Такой подход требует от автора упрощения и наглядности при изложении причинно-следственных связей. И все же это упрощение в монографии П. Верта подчас играло с автором злую шутку, одной из которых является пресловутая для книг такого рода телеологичность – слишком высок соблазн, исследуя один «ничем не примечательный» год, видеть в нем череду целенаправленных процессов, повлиявших на далекую историческую перспективу. С тем же успехом за основу можно было взять другие важные даты истории России: 988 г. или же 1223 г. и т. д. И, как иногда делает автор, увидеть в них целенаправленные процессы, повлиявшие на советскую и постсоветскую историю.

Однако подобную телеологичность в книге П. Верта можно объяснить его желанием призвать к диалогу свою целевую аудиторию и доказать ей, насколько события 1830-х гг. не были изолированы от мировой истории. И хотя, на первый взгляд, П. Верт пытается застраховать себя от потенциальных дискуссий, он делает это не потому, что такие замечания будут малопродуктивны для автора, а скорее потому, что они не будут способствовать коммуникации между читателем и автором. Диалог является одним из важнейших лейтмотивов монографии на всем ее протяжении – автор буквально стремится вступить в беседу с целевой аудиторией, побудить ее к самостоятельным исследованиям. Задавая суггестивные вопросы своему читателю, П. Верт, как хороший учитель, сопровождает его на каждой странице, отправляя к неизведанным (для него) землям, предлагая стать на какое-то время первооткрывателем истории Российской империи XIX в. Монография П. Верта создавалась, чтобы открыть перед будущим специалистом зарубежной русистики не череду оторванных друг

от друга исторических событий, а их тесную взаимосвязь, предложив таким образом не «изолированную историю 1837 года», а «1837 год в истории» (р. 2). Иными словами, П. Верт стремится научить исследовательскому мышлению.

Эта книга необычайно легка, но ничего случайного в ней нет. Она долго создавалась, и, работая над текстом, автор подстраховался, представив проекты и идеи отдельных эпизодов потенциальной аудитории – не только в США, но также в Германии, а затем и в России, чтобы прощупать настроения, проверить, как нестандартный исследовательский проект зарубежного русиста встретят специалисты по истории России – будущие и уже состоявшиеся. Однако, как мы предполагаем, у книги существует еще одна целевая аудитория, и ее оценка для П. Верта не менее важна. Конечно, это лишь наши домыслы, но не скрывается ли под покровом научного исследования вопрос совершенно иного, дидактического порядка: как на самом деле следует преподавать историю? Индуктивно или дедуктивно? Традиционно, со всей серьезностью научности и академичности? Или же можно исследовать достаточно серьезные явления и процессы, технические достижения, административные реформы и победоносные сражения – в целом историю государства – с легкостью, заигрывая, а зачастую иронизируя? Допустимо ли опускаться до уровня молодого поколения, завоевывать его внимание несколько фривольными высказываниями вроде такого: «Большинство людей сочло бы удивительным, даже невозможным, чтобы свинья рожала щенков. Однако именно это и произошло в 1839 году» (р. 85)? П. Верт, на наш взгляд, ждет от коллег по цеху ответа на вопрос: «можно ли научить научпопом?»

Оговоримся, что монография П. Верта не является ни учебным, ни методическим пособием к написанию исследований. Она не содержит ни списка литературы, рекомендуемой для дополнительного чтения, ни глоссария, ни определений каких-то понятий и других атрибутов, характерных для учебной литературы. Но, вопреки всему этому, книга вполне может быть признана «кратким курсом», предложением читателю сознательно заниматься самообразованием. Этим ходом П. Верт стремится заинтриговать свою целевую аудиторию – студентов-бакалавров, интересующихся историей России и стремящихся расширить свой кругозор. Книга, однако, обращается еще к одной, не менее важной для автора целевой аудитории состоявшихся историков-ученых, несущих ответственность за образовательный процесс. Автор хочет спровоцировать и порой, как мы предполагаем, слегка шокировать, дабы установить контакт и оживить научный дискурс. От коллег П. Верт желает узнать, имеет ли его концепция право на существование или же она является лишь несколько самодовольным проектом американского ученого-эксцентрика. И, чтобы услышать их мнение, он готов рисковать своей репутацией: нарочно доводя до абсурда обоснование актуальности, важный момент любого научного труда, он завершает его предложением: «когда я осознал,

что и мой родной город Чикаго, и моя альма-матер (Нокс-колледж) были основаны в 1837 году, я понял, что судьба пинком подтолкнула меня к продолжению проекта» (Preface).

Вернемся к вопросу о преподавании через научно-популярный подход. На наш взгляд, вызов *Think more about camels* вполне функционирует, но сработает ли «Думай больше о верблюдах» в российской исторической науке, покажет только перевод книги на русский язык. У истории России XVIII в. консолидированное исследовательское сообщество. Однако интерес к этому периоду – не в последнюю очередь заслуга видных исследователей-популяризаторов, к примеру, Е. В. Анисимова и А. Б. Каменского. Что касается в целом XIX в. – эта ниша сегодня свободна. И это еще одна причина того, почему рецензенты с нетерпением ждут перевода новой монографии Пола Верта на русский язык.

Список литературы

Большакова О. В. Рец. на кн.: Smith-Peter S. *Imagining Russian Regions: Subnational Identity and Civil Society in Nineteenth Century Russia*. Leiden ; Boston : Brill, 2018. XIV, 328 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. 2021. № 2. С. 61–67. DOI 10.31249/rhist/2021.02.02.

Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / пер. с польск. К. Душенко. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 704 с.

Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «Философическое письмо» Чаадаева // Новое литературное обозрение. 2015. № 5. С. 101–118.

Велижев М. Мишель Фуко, Петр Чаадаев и история безумия в России // Новое литературное обозрение. 2019. № 1. С. 153–168.

Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 416 с.

Лабутина Т. В. Русофобия англичан в XVI – первой трети XVIII вв.: источники, причины, исследования // История : [электрон. науч.-образоват. журн.]. 2019. Т. 10, вып. 12 (86). DOI 10.18254/S207987840008204-3. URL: <https://history.jes.su/s207987840008204-3-1/> (дата обращения: 18.04.2022).

Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 248 с.

Миллер А. И. Где и какую модернизацию стоит искать в истории России? // Российская история. 2018. № 3. С. 19–25.

Парсамов В. С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020. 407 с.

Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М. : ИРИ РАН, 2005. 315 с.

Сдвижков Д. Самодержавие любви: 1812 год как роман // Отечественные записки : [сайт]. 2014. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2014/6/samoderzhavie-lyubvi-1812-god-kak-roman.html> (дата обращения: 10.04.2022).

Христоворов И. А. Правительственная политика и «крестьянский вопрос» до и после отмены крепостного права (1830-е – начало 1890-х гг.) : дис. ... докт. ист. наук. М. : [Б. и.], 2013. 641 с.

Чистов К. В. Русская народная утопия: (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 538 с.

Lincoln B. *In the Vanguard of Reforms: Russian "Enlightened Bureaucrats", 1825–1861*. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 1982. 319 p.

Osterhammel J. *Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts*. München : C. H. Beck, 2009. 1568 S.

Smith-Peter S. *Imagining Russian Regions: Subnational Identity and Civil Society in Nineteenth Century Russia*. Leiden ; Boston : Brill, 2018. 328 p.

Werth P. W. *1837: Russia's Quiet Revolution*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2021. 213 p.

Wortman R. *The Development of Russian Legal Consciousness*. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1976. 360 p.

Wortman R. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy : 2 vols*. Princeton : Princeton Univ. Press, 1995. Vol. 1. 469 p.

References

Bolshakova, O. V. (2021). Rev. of: Smith-Peter S. *Imagining Russian Regions: Subnational Identity and Civil Society in Nineteenth Century Russia*. Leiden ; Boston : Brill, 2018. XIV, 328 p. In *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literature. Seriya 5: Istoriya*. No. 2, pp. 61–67. DOI 10.31249/rhist/2021.02.02.

Chistov, K. V. (2003). *Russkaya narodnaya utopiya: (genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend)* [Russian Popular Utopia: (The Genesis and Functions of Socio-Utopian Legends)]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 538 p.

Khristoforov, I. A. (2007). *Pravitel'stvennaya politika i "krest'yanskii vopros" do i posle otmeny krepostnogo prava (1830-e – nachalo 1890-kh gg.)* [Government Policy and the "Peasant Question" before and after the Abolition of Serfdom (1830s – Early 1890s)]. Dis. ... dokt. ist. nauk. Moscow, S. n. 641 p.

Labutina, T. V. (2019). Rusofobiya anglichan v XVI – pervoi treti XVIII vv.: istochniki, prichiny, issledovaniya [English Russophobia between the 16th and the First Third of the 18th Centuries: Sources, Reasons, Research]. In *Istoriya* [Electronic Scholarly and Educational Journal]. Vol. 10. Iss. 12 (86). DOI 10.18254/S207987840008204-3. URL: <https://history.jes.su/s207987840008204-3-1/> (accessed: 10.04.2022).

Lincoln, B. (1982). *In the Vanguard of Reforms: Russian "Enlightened Bureaucrats", 1825–1861*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press. 319 p.

Miller, A. I. (2006). *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism. Essays in the Methodology of Historical Research]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 248 p.

Miller, A. I. (2018). *Gde i kakuyu modernizatsiyu stoit iskat' v istorii Rossii?* [What Kind of Modernisation Should We Look for in Russian History?]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 3, pp. 19–25.

Osterhammel, J. (2009). *Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts*. München, C. H. Beck. 1568 S.

Parsamov, V. S. (2020). *Na putyakh k Svyashchennomu soyuzu: ideya voyny i mira v Rossii nachala XIX veka* [On the Way to the Holy Alliance: The Idea of War and Peace in Russia in the Early 19th Century]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 407 p.

Ruzhitskaya, I. V. (2005). *Zakonodatel'naya deyatel'nost' v tsarstvovanie imperatora Nikolaya I* [Legislative Activity in the Reign of Emperor Nicholas I]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 315 p.

Sdvizhkov, D. A. (2014). *Samoderzhavie lyubvi: 1812 god kak roman* [The Autocracy of Love: 1812 as a Novel]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 6. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2014/6/samoderzhavie-lyubvi-1812-god-kak-roman.html> (accessed: 10.04.2022).

Smith-Peter, S. (2018). *Imagining Russian Regions: Subnational Identity and Civil Society in Nineteenth Century Russia*. Leiden, Boston, Brill. 328 p.

Valitsky, A. (2019). *V krugu konservativnoi utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva* [In the Circle of Conservative Utopia. The Structure and Metamorphosis of Russian Slavophilism] / transl. by K. Dushenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 704 p.

Velizhev, M. (2015). Yazyk i kontekst v russkoi intellektual'noi istorii: pervoe "Filosoficheskoe pis'mo" Chaadaeva [Language and Context in Russian Intellectual History: Chaadayev's First Philosophical Letter]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 5, pp. 101–118.

Velizhev, M. (2019). Mishel' Fuko, Petr Chaadaev i istoriya bezumiya v Rossii [Michel Foucault, Peter Chaadayev and the History of Madness in Russia]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 1, pp. 153–168.

Werth, P. W. (2021). *1837: Russia's Quiet Revolution*. Oxford, Oxford Univ. Press. 213 p.

Wortman, R. (1995). *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. 2 Vols.* Princeton, Princeton Univ. Press. Vol. 1. 469 p.

Wortman, R. (1976). *The Development of Russian Legal Consciousness*. Chicago, Univ. of Chicago Press. 360 p.

Zorin, A. L. (2001). *Kormya dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka* [Feeding the Two-Headed Eagle... Literature and State Ideology of Russia in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 416 p.

The article was submitted on 03.06.2022